

«Даже если судьба
закрывает перед
вами дверь...»

ИЗ ЦИКЛА «ДЕТИ ВОЙНЫ»

Дети военного времени

Обожгло нас пламенем войны, годы в лихолетье пролетели,
Трудности России, всей страны нас, как острой пулею, задели.
Ситцевое платье на плечах, худенькие все, под мышкой – книжки.
На токарных, фрезерных станках наши упражняются мальчишки.
В бантах косы, на груди – косынки, и кудряшки с челкой озорной.
Чистим парусинные ботинки белым мелом щеточкой зубной.

Вяжем рукавицы и носки, и кладем записочки в кисеты:

«Моего письма, солдатик, жди, все передают тебе приветы!

Бей врага, с победой возвратись, ждет тебя подруга дорогая,
А с победой снова станет жизнь в радости и счастье, трудовая!»

Посмотрите бабушкам в глаза – все они когда-то были дети,
Дедушке – те прожили не зря: защитили мир на всей планете.

«Спасались в окопах»

Я родилась в 1928 году. Родители – Алексей Осипович и Анна Сергеевна Жидковы. До войны жили в деревне Красновидово у сестры матери, потом на съемной квартире. От суконно-шерстяной Октябрьской фабрики затем получили небольшую квартиру. Началась война. Отца (очень хорошего сапожника), хоть он и был болен, забрали в армию. После примерно полутора лет его комиссовали домой.

С приходом немцев мы спасались в окопах. Нас было много, помню, только детей около 20 человек. Дома наши затем сожгли, нас погнали в соседнюю деревню. Приютили в одном из домов, накормили, напоили, дали переночевать. Но снова пришли немцы, и из деревни пришлось уйти. Несколько ночей ночевали под открытым небом, пока не добрались до ивановского леса. Там встретили других беженцев. Переждали с ними вместе дни оккупации и вернулись в Красновидово. Вся деревня была сожжена, квартира наша тоже сгорела. На полевой кухне добрались до Павловской Слободы. А оттуда вместе с дедом – до деревни Тимошкино. В это время как раз вернулся отец, но как только ему стало лучше со здоровьем, его снова забрали на фронт.

В Тимошкине мы прожили до 1949 года, затем я вышла замуж и переехала в Павловскую Слободу. Работала на военной базе, сначала ученицей по ремонту ППШ, затем перевели в разнорабочие. Проработала 19 лет, затем ушла в больницу МПС. С большим трудом удалось выбить 9 квадратных метров жилья в браке, потом дали небольшой старый дом. Еще позже построили барак, в котором нашей семье из шестерых человек выделили 21 квадратный метр. Прожили мы в нем долгих 28 лет, пока он не стал разваливаться. Я была выбрана старшей по бараку, мне удалось добиться получения квартир для жильцов. А война мне снилась на протяжении тридцати лет. Очень было страшно тогда. Сейчас мне уже 86 лет, у меня трое детей, шесть внуков и одиннадцать правнуков.

*Антонина Алексеевна
Лагуткина*

Антонина Алексеевна Лагутенко, жительница села Павловская Слобода

Воспоминания записал Александр Николаевич Гольцев

« Под угрозой расстрела»

Мой дед – Александр Васильевич Мамаев – родился 4 февраля 1927 года в городе Нижнеудинск Тулунского округа Сибирского края (ныне Иркутская область). Отец - Василий Иванович, мать – Надежда Ильинична. Отец с матерью около 1935 года, когда в Нижнеудинске начались массовые репрессии, были сосланы на север, за полярный круг, в город Игарка. С 1930 года был тем самым местом, куда ссылали крестьян из Южных районов Сибири. Дети же Василия Ивановича и Надежды Ильиничны (в том числе и 8-летний Александр) остались в Нижнеудинске с бабушкой Матреной Федоровной Левченко.

Василия Ивановича в 1941 году в ходе всеобщей мобилизации призвали в армию. Служил он ездовым (кучером при воинской повозке) в 382 стрелковой дивизии, которая в 1942-1943 годах вела бои под Ленинградом. По воспоминаниям, мой прадед погиб 27 марта 1943 года на Дороге жизни: вместе с гужевой повозкой ушел под лед. Его имя занесено в списки на Мемориал Славы защитников Отечества в городе Игарка и в Книгу памяти Красноярского края.

С началом войны 14-летний Александр устроился работать водовозом на местный хлебзавод в Нижнеудинске. Под угрозой расстрела он выносил с завода хлеб, спасая от голода свою семью и семью своего лучшего друга Сергея Коврова. В 1944 году Александр и этот же друг Сергей пошли служить в армию. Их направили в школу младшего начальствующего состава, а после обучения – на Дальний Восток. Служить приходилось в условиях ужасного голода. Доходило до того, что кусок хлеба приходилось делить на несколько человек, горбушка же доставалась всем по очереди. Обязанностью Александра был отстрел диких животных (в частности лосей и изюбрей) для части, потому как стрелял он с детства очень хорошо.

*Александр Васильевич Мамаев (слева)
и Сергей Васильевич Ковров. 1944 год*

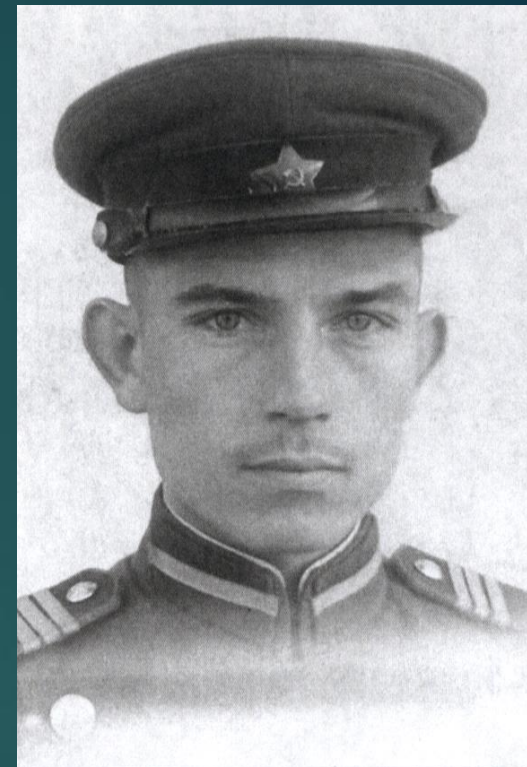
« Под угрозой расстрела»

В конце 1944 года в часть приехал вербовщик, набирал добровольцев для борьбы с бандеровцами на территории Западной Украины. Александр И Сергей отправились туда. Ехали через всю страну на поезде, который прозвали между собой «Пятисотый веселый»: он стоял по несколько дней на каждой станции, пропуская составы, идущие на фронт. К месту службы прибыли лишь через три месяца, в начале 1945 года. Служить пришлось в районе городов Ужгород и Чоп в пограничных войсках НКВД. Окончив службу, в 1951 году дед с другом приехал в поселок Снегири Истринского района, устроились на кирпичный завод: дед – сантехником, а друг – спортивным инструктором. В том же 1951 году Александр Васильевич женился на Валентине Игнатьевне Бусуриной и стали жить с ее родителями в Снегирях.

В 1952 году у них родился первый сын Александр, в 1955 году Юрий (мой отец), в 1960 году – Валерий. Жили бедно, но постепенно уровень жизни улучшался. Семье помогал и тот самый друг, который отдавал подросткам сыновьям Александра Васильевича кеды, а зимой – лыжи. Осенью 1974 года семья Мамаевых получила квартиру в новом доме и переехала жить в Рождествено. Своего деда я не застал. Он умер 3 декабря 1985 года от сердечной недостаточности.

Сергей Юрьевич Мамаев,

руководитель музея «Усадьба Рождествено»

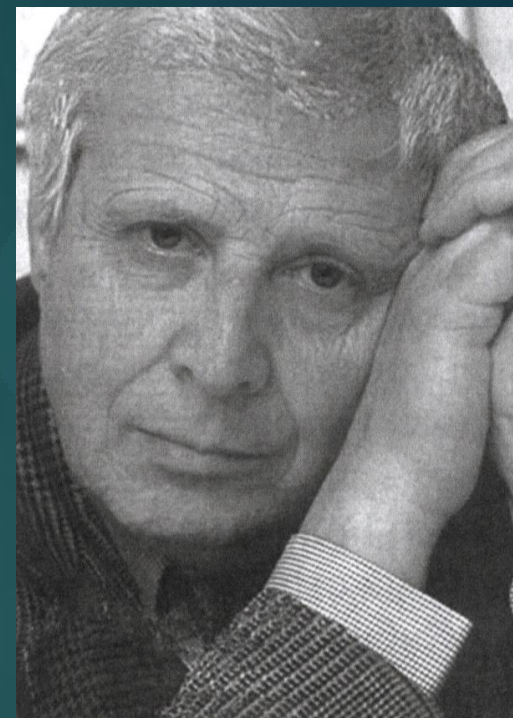
*Александр Васильевич
Мамаев*

«Даже если судьба закрывает перед нами дверь...»

Когда началась война, я окончил второй класс, нас с мамой отправили в эвакуацию. Ехать туда я не хотел, предпочел бы остаться в Москве, чтобы лицом к лицу встретить проклятого врага, если он осмелится приблизиться к столице. Годы спустя оказалось, что невыезд в эвакуацию рассматривался властью как первый этап предательства – мол, ждали немцев, чтобы перейти на их сторону. А уж тем, кто попадал в оккупацию, было вообще плохо: в анкетах той поры был на эту тему специальный пункт, категорически мешавший любой жизненной карьере. Не Сталин, за три месяца подпустивший немцев к Москве, был виноват, а миллионы людей, оставшихся на захваченной территории потому, что не имели ни сил, ни денег, ни транспорта, чтобы добраться до Урала или Сибири.

Третий класс я начал в Новосибирске, а закончил в Томске, куда эвакуировали из Москвы часть Первого подшипникового завода (со всеми «бронированными», включая отца) и куда мы переехали с мамой. В Томске я окончил третий, четвертый и пятый классы. Наша школа была бревенчатая, одноэтажная и называлась Сорок третьей железнодорожной – рядом была станция Томск – 2, и зимой нас выводили на пути чистить снег, которого в Сибири всегда хватало. Эвакуация запомнилась мне и купаниями в узкой, но достаточно быстрой реке Ушайке, и лютыми морозами, и страшным голодом. Этот голод я испытал после болезни, от которой чудом не умер: брюшной тиф, осложненный воспалением легких.

Заболел я зимой. Участковая врачиха поставила диагноз. Естественно, родителям этот диагноз не понравился, они как то сумели пригласить профессора, который нашел у меня грипп. Поверили профессору. Помню, однажды ко мне зашел приятель с нижнего этажа, по прозвищу «Чичик». И вдруг меня начало трясти. Я не испугался, потому что боли не было. Ну, трясет и трясет. Пришел на обед отец, дал мне градусник. Через десять минут вынул, посмотрел на шкалу, вскрикнул: «Сорок один и два!». Тут вошла мама – тоже пришла на обед. Отец бросился к ней с той же фразой. Мама закричала на отца: «Зачем ты ему сказал?!» А я не понимал, почему необычную цифру надо скрывать от меня: ведь такой шикарной температуры никогда не было ни у кого из моих друзей!

*Леонид Аронович
Жуховицкий*

«Даже если судьба закрывает перед нами дверь...»

Дальнейшие воспоминания о болезни отрывочны – видимо, от высокой температуры я время от времени надолго терял сознание. Помню вот что. Зима, снег, меня везут в больницу на санях – такая во время войны в Томске была «скорая помощь». Больница состояла из нескольких деревянных одноэтажных строений, называлась она - «Имени Сибирцева», а сам Сибирцев был директором больницы. Видел я его раз или два, но запомнил хорошо: высокий стройный старик с красивой седой бородой. Он был знаменитым в городе врачом, а тогда знаменитостей увековечивали при жизни, правда, лишь по месту жительства. Лишь вполне живая партийная верхушка имела свои колхозы, заводы, улицы, а то и целые города по всей стране. К примеру, Пермь называли Молотовым, Тверь Калинином – и так далее.

Еще помню, как меня опять же зимой на носилках или на каталке перетаскивали из одного корпуса в другой. Дальше началось выздоровление, и я его запомнил хорошо. Спустя время, мама рассказала мне, почему я не умер. Когда к моему тифу прибавилось воспаление легких, маме сказали, что мне осталось день-два, и спаси меня может только сульфидин – тогда это было новое редкое лекарство, им как раз и лечили легочные заболевания. В больнице его не было, про аптеки и говорить нечего. Мама бросилась в город, надеясь найти дефицитное средство в госпитале, но там ей отказали. Потеряв надежду, она вся в слезах шла по улице, ее остановил знакомый еще по Киеву врач. Он и добыл ей полтора грамма сульфидина, благодаря чему моя смерть отодвинулась на полтора дня. А потом какой-то другой добрый человек достал еще два-три грамма. Этого было мало, чтобы выздороветь, но достаточно, чтобы выжить.

«Даже если судьба закрывает перед нами дверь...»

Болезнь длилась около двух месяцев. Когда меня, наконец, выписали, и мама приехала за мной, меня из палаты в коридор вывели две медсестры. Я на радостях хотел побежать к маме, но свалился на втором шагу. Потом долго учился ходить. А отощал так, что образное выражение «кожа да кости» подходило ко мне буквально. После брюшного тифа следует быть осторожным в питании: манная каша, белые сухари, в крайнем случае, картофельное пюре. Ничего этого, естественно, не было. Я лежал в кровати, не ощущая ничего, кроме зверского голода. Как то вечером родители ужинали – ели оладьи и картофельных очисток. Так я, глядя на эти паршивые оладьи, заплакал от голода. А дать мне такую оладью было нельзя – вполне мог умереть от заворота кишок.

При всем этом в эвакуации было много хорошего – друзья, лыжи, книги, которые мы с ребятами постоянно давали читать друг другу. Страшный быт тогда казался мне вполне нормальным, процесс борьбы за жизнь был экстремальным, а потом увлекательным. Не было тетрадок и, вообще, бумаги – в школе мы писали на старых газетах. Практически постоянно отключали электричество – ну и что, я уйму книг прочитал при копилке: так называлась жестянка с касторкой, из которой торчал фитилек. Деньги не стоили ничего, процветала меновая торговля. Отец, к счастью, был непьющим, и водку, которая полагалась по карточкам, мы меняли на молоко или масло. Мой подростковый велосипед, который мы привезли из Москвы на «толкучке» поменяли на восемь ведер картошки, самовар тоже сменяли на картошку.

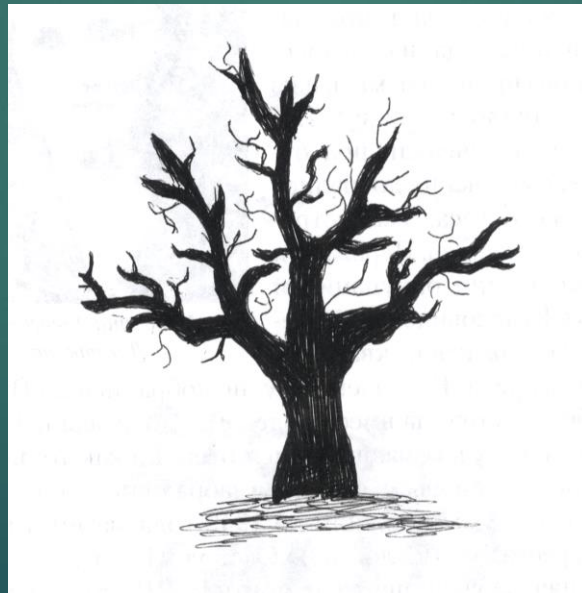
Как-то в редкий выходной папа с двумя приятелями съездил и набрал большой мешок кедровых шишек. Они здорово выручали нас зимой: кедровые орехи и вкусны, и очень питательны. Воду мы с ребятами таскали в ведрах с водокачки. Дрались возле школы или во дворе, выясняя, кто сильнее, а значит главный. После тифа я силой не обладал, и, чтобы занимать хоть скромное место в ребячьей иерархии, приходилось быть умным. Впоследствии это пригодилось.

Леонид Аронович Жуховский российский писатель, публицист, драматург

Для каждого нормального человека совершенно естественно отвращение к любому насилию, к войне. Больше всего ужасает, что мишенью зла становятся дети. У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия – это потеря детства. Голод, потеря близких людей, страдание. Заветная мечта каждого – это мир на всей Земле. Каждый обязан помнить, что в войне, которую развязывают взрослые, больше всего страдают дети.

*Выставка подготовлена
с использованием материалов Сергея Юрьевича
Мамаева, Александра Гольцева, Егора Комолова*

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра*